

УДК 81.42

КРЕАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА/ РЕЧИ В НОМИНАЦИИ НОВЫХ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

ШАХОВСКИЙ Виктор Иванович,

доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

КОРОБКИНА Наталья Игоревна,

кандидат филологических наук, ассистент кафедры языкознания
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье обосновывается порождение новых контекстуальных понятий через концептуальную интеграцию, доказывается, что слово / ситуация / событие (или все вместе) могут служить контекстом для кристаллизации смысла окказионализма. Авторы отмечают мотивирующую роль лингвистики эмоций и ее нового направления – эмотивной лингвоэкологии – в реализации креативной функции языка / речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальная интеграция, новое контекстуальное понятие, контекст, языковая экономия / компрессия, креативная функция языка / речи, окказионализм, эмотивная лингвоэкология.

SHAKHOVSKY V.I.,

Dr. Philol. Sci., Professor of the Linguistics Department
Volgograd State Socio-Pedagogical University

KOROBKINA N.I.,

Cand. Philol. Sci., Assistant of the Linguistics Department
Volgograd State Socio-pedagogical University

CREATIVE FUNCTION OF LANGUAGE / SPEECH IN THE NOMINATION OF NEW CONTEXTUAL NOTIONS

ABSTRACT. The article proves that new contextual notions are produced through the conceptual integration. The authors argue that a word / situation / event (or all together) may serve as a context for sense crystallization of occasionalisms. The motivating role of the emotiology (linguistics of emotions) and its new branch – emotive linguistic ecology – in carrying out the creative function of language / speech is outlined.

KEY WORDS: conceptual integration, new contextual notion, context, language economy / compression, creative function of language / speech, occasionalism (occasional / nonce word), emotive linguistic ecology.

Дорогому и многоуважаемому доктору филологических наук, профессору Сергею Самуиловичу Беркнеру с самыми теплыми, сердечными пожеланиями доброго здоровья на долгие годы и с благодарностью за большой вклад в изучение развития английского языка посвящаем (авторы статьи).

Уже неоспоримо, что эмоции – это психический процесс, отражающий отношение человека к самому себе и окружающему миру. В теоретической литературе многократно утверждалась тесная взаимообусловленность эмоций, мотивов и интенций в речевой деятельности homo lo-

quens / sentiens (см., например, [1]). Человек говорящий не только выражает свои эмоции в категоризованных коммуникативных ситуациях, но и может их моделировать у своего речевого партнера. Последнее возможно только при наличии у обоих партнеров эмоционального интеллекта [2]. На необходимость такой компетентности указывают многие психолингвисты и практические психологи (см., например, [3]). Моделирование соответствующих эмоций возможно только на базе общего эмоционального центра у коммуникантов. Но это достаточно труднопреодолимый коммуникативный барьер. Для требуемого вида моделируемой эмоции

необходима правильная экологическая ориентированность коммуникантов. В последние годы установлена зависимость модуса экологичности общения от вида ситуативных эмоций [4]. Данная проблема специально обсуждалась на всероссийском семинаре по эмотивной лингвоэкологии (см.: [5]). Новым научным направлением – эмотивной лингвоэкологией – выделены параметры экологичности / неэкологичности общения людей в различных сферах их деятельности, прямые и косвенные зависимости от доминирующих в момент общения эмоций (а это, как правило, не единичные эмоции, а их кластеры), выделена проблематика эмотивной лингвоэкологии как раздела лингвистики эмоций и намечены ближайшие перспективы индивидуальных и коллективных исследований [6].

Соотношение самих эмоций и их кластеров в коммуникативных процессах, как утверждают психолингвисты и психологи, зависит от мотивов и интенций говорящего: ориентированы они на добро или зло – 7:1, т.е. на 7 положительно мотивированных эмоций якобы приходится 1 отрицательная. Однако в науке существует точка зрения об ином их соотношении. Такое мнение провозглашает асимметрию реализуемых в коммуникации людей эмоций: и количество отрицательно аксиологической лексики в словарных корпусах языков, и количество выражаемых (передаваемых) отрицательных эмоций явно превалирует в современном медиа-пространстве и в живом общении людей, на что указывают современные публикации по коммуникологи.

На это же соотношение негативности и позитивности сфер человеческого общения обратил внимание и первый в мировой лексикографической практике лингвоэкологический словарь [7]. В нем перечисляются два неравномерных списка экологичных / неэкологичных параметров общения людей. Первый раздел называется «Лингвоэкологические термины и понятия созидательного характера» (с. 13-137). К терминам, понятиям, признакам, аспектам экологически созидательного характера относятся, например, такие, как образ жизни лингвоэкологический / нравственный, личность экологическая, валеогенное мышление, лингвоэкологическая гласность. Каждый из этих примеров подробно объясняется, и указывается автор соответствующей публикации. Второй раздел называется «Термины и понятия, обозначающие лингвоэкологическую опасность» (с. 137-200). Приведем некоторые примеры из этого раздела: лингвоэкологическая аллергия, антропогенное загрязнение языка, духовный «Чернобыль», лингвоэкологическая диктатура, какология, языковые преступления, сквернословие.

Как показал анализ этих двух разделов (подробнее см.: [8]), термины, понятия, признаки, аспекты экологичной / неэкологичной сфер деятельности человека получают в последней более экспрессивную и метафоричную номинацию. Объем неэкологичной сферы

деятельности человека (языковой и речевой) довольно внушителен, что и указывает на ее лингвоэкологическую опасность, а следовательно, на необходимость целенаправленного изучения этой сферы и привентивной воспитательной работы для формирования экологичного мышления / интеллекта / менталитета: от неэкологичного события к его неэкологичной номинации, а потом через языковое осознание и негативное переживание этого события к стремлению изменить негативную ситуацию в сторону минимизации лингвистической и психоэмоциональной опасности.

По словам М.Е. Литвака, наша психическая жизнь напоминает айсберг, где надводная часть – наше сознание, а подводная – наше бессознательное. Движение айсберга зависит от того, что делается под водой. Наше поведение в большей степени зависит от бессознательного, чем от сознания. Наблюдения показывают, что в современной агрессивной доминанте всех видов человеческого общения (персонального, группового, коллективного, институционального, медиального и др.) бессознательное (инстинктивное) все чаще прорывается к вершине айсберга, и в этом случае сознание, увы, перестает быть надежным цензором для бессознательного. И в этом смысле, действительно, движение айсберга зависит от того, что происходит под водой (т.е. от бессознательного). Получается, что прорывающееся к вершине айсберга агрессивное (злость, зависть, ненависть и т.п.), увеличивая массу вершины айсберга, «надавливает» на нее, и она под тяжестью зла частично погружается в воду.

Ситуацию спасает тот достоверный факт, что мышление и креативная функция языка, а также разработанные теоретиками лингвистики параметры экологичного мышления / интеллекта / языка, мгновенно подключаются к постоянно меняющимся и нарождающимся все новым и новым коммуникативным ситуациям, абсолютное большинство которых являются эмоциональными ситуациями. В связи с этим огромный теоретический и практический интерес представляет собой то, как современный язык, который, по В. фон Гумбольдту, является духом и культурой народа, реагирует на эти коммуникативные ситуации. Прежде всего, это реагирование отражает креативную функцию языка / речи в процессе концептуальной интеграции (концептуализации, лексикализации, семантизации) новых контекстуальных понятий (далее – НКП) (см., например, [9]).

В современной науке уже неоспоримым является тот факт, что сознание / мышление всегда включено в многочисленные новые коммуникативные ситуации, появляющиеся в социальной, а потом и в языковой (зачастую синхронно) сферах. Значит, сознание / мышление включено и в соответствующие кластеры. Наши наблюдения за различными сферами коммуникативной деятельности человека показывают, что в последнее время наметилась тенденция к образованию и

появлению окказионализмов, обозначающих новые реалии и представляющих собой на уровне мышления концептуальные бленды. Такие ментальные корреляты значительной части современных окказионализмов мы предлагаем рассматривать как НКП, процесс порождения которых отражает тесную взаимосвязь языка / речи и мышления.

Общеизвестно, что язык / речь и мышление составляют неразрывное единство, которое проявляется в целом ряде аспектов: функциональном, психофизиологическом, генетическом, когнитивном, сопоставительном, логико-структурном, динамическом, эстетическом, педагогическом, идиостилевом и др. Так, например, в рамках функционального аспекта взаимосвязи языка / речи и мышления отмечается, что язык выступает средством формирования и выражения мысли. Одновременно с этим мышление осуществляет контроль построения речи, служит орудием выбора языковых единиц в ее процессе, обеспечивает содержательную сторону языковых / речевых знаков. На вербальном уровне такими языковыми / речевыми знаками нередко становятся не существовавшие до этого окказионализмы, представляющие собой на уровне мышления результат концептуальной интеграции, а значит, и НКП.

С целью описания концептуального бленда как НКП определим содержание термина «контекстуальный». Очевидным является тот факт, что слово контекстуальный представляет собой дериват от общеизвестного лингвистического термина контекст (от лат. *contextus* – тесная связь, соединение), виды которого бывают различными. Так, например, в большом энциклопедическом словаре по языкознанию выделяются такие виды контекста, как микро- и макро-, вербальный и невербальный, собственно лингвистический и экстралингвистический и др. [10, с. 238].

Особый интерес для нас представляет экстралингвистический контекст. Под ним традиционно понимается собственно ситуация речевого общения, в которой происходит рождение окказионального слова или словосочетания. При этом ментальный коррелят такого окказионализма, как правило, является вербальной реакцией на социальный, социально-экономический / политический и др. стимулы.

Приведем пример. По данным одного из источников (см.: [11]), зимой 2011 года в нашей стране сложилась ситуация волны протестов после выборов в Государственную Думу РФ. Такая ситуация привела к появлению и широкому распространению, особенно в сети интернет, НКП «креативный класс», вербальный коррелят которого в своем значении употребляется в противовес обычному населению России (художники, фотографы, блоггеры, журналисты, занимающиеся «интеллектуальным трудом», в основном проживающие в столицах, активно использующие интернет, социальные сети и поддерживающие западные ценности).

Интересно, что, начиная с января 2013 года, все возрастающую популярность получает и более экономичный вариант этого нового окказионального словосочетания и его ментального коррелята – креакл. Такое переименование НКП «креативный класс» (в значении прозвища представителей так называемого креативного класса) является ничем иным, как реакцией на определенный социальный стимул – дело об убийстве Ирины Кабановой, блоггера Живого Журнала. Данное окказиональное выражение широко распространилось применительно к Алексею Кабанову, взявшему на себя ответственность за убийство своей жены [12]. Примечательно, что в связи с такой вызвавшей немалый общественный резонанс экстралингвистической коммуникативной ситуацией наблюдается письменная фиксация окказионализма креакл в интернет-блогах.

Так, например, пост пользователя с логином pravdoiskatel77 от 15 января 2013 года рассказывает о креаклах в стилистике известной телепередачи «В мире животных»: «Не имея хаты, из интернета креакл выползает редко. В сети сидит, как в болоте. Селится в фейсбучном омуте вместе с бесчисленными сородичами, где промеж глупых, злых и торопливых склок на общественно-политические темы предрекает сваре и грызне за питательный лайк» (подробнее см.: [13]). На основе приведенного фрагмента текста становится очевидным, что окказионализм креакл является по своему значению резко отрицательным. Свидетельствует об этом, во-первых, количество слов с негативной коннотацией, используемых в данном тексте для характеристики образа жизни креакла: болото, омут, злые склоки, свара, грызня. Вероятно, именно поэтому ассоциативная фоносемантика выводит нас на слово крякать, которое, особенно по отношению к человеку, имеет отрицательные коннотации (издавать отрывистые горловые звуки, обычно как выражение досады, возмущения и т.п.), а на психоэмоциональном уровне, соответственно, вызывает неприятные ассоциации и ощущения.

Анализ около 600 концептуальных интегрантов / блендов (однословных, двусловных и пр.) выявил следующие наиболее продуктивные сферы их порождения и функционирования: 1) интернет-коммуникация (интернет-издания, данные социальных сетей и пр.): ромнзия (Митт Ромни + амнезия) – болезнь, диагностированная президентом США Бараком Обамой у своего политического противника Митта Ромни, заставляющая последнего забывать свои предыдущие обещания и взгляды, российский кингмейкер – «делатель королей», прозвище Б.А. Березовского, данное ему за огромное влияние на политическую элиту страны и др.; 2) печатные СМИ (газеты, журналы): ястребител (ястреб + истребитель) – ястреб-тетеревятник, обученный охотиться на птиц, зайцев и др. животных, гинекология протеста – исследование физиологии и патологии людей, участвующих в протестных акциях и др.; 3) электронные СМИ (радио, телевидение):

килогоды (килограммы + годы) – прибавка веса с годами жизни человека, интимная смерть – отсутствие полноценной интимной жизни, уставное плохим сном, усталостью на работе и усталостью от выполнения домашних дел и др.; и пр.

Анализ примеров показал, что однословных номинантов значительно больше, чем словосочетаний. Примечательно, что однословные номинанты-оксюморонимы [14] не представляют собой когнитивный диссонанс, в отличие от оксюморонов. Ср.: маленький гигант, прелестный негодяй, злое добро, доброе зло VS адорай, благоподлость, Злобро, мерзоблагостный и т.п. Однословные номинанты НКП семантически монолитны, хотя и значительно осложнены по сравнению с семантикой отдельных компонентов оксюморонима (ад и рай, добро и зло и др.). Семантика оксюморонимов (Злобро) является идиоматичной. И если семантика оксюморона (low skyscraper, peopled desert, etc.) может быть легко дедуцирована, хотя и представляет собой когнитивный диссонанс, то семантика оксюморонима, особенно в межкультурном аспекте, является сложно дефинируемой [15]. Отметим, что в английском языке оксюмороны как стилистический прием довольно частотны [16].

Для авторов данной статьи является очевидным, что даже одно единственное слово или ситуация, или само событие / факт, т.е. контекст в его двух разновидностях – вербальной и невербальной (экстралингвистической, паралингвистической) – могут выступать в качестве определителя содержания НКП в процессе концептуализации (кристаллизации смысла), его лексикализации и семантизации его окказионального номинанта. Другими словами, мы считаем, что одно единственное слово может служить контекстом для образования нового смысла / значения в неожиданном деривате (окказионализме).

Современной наукой уже обоснованы некоторые факты, которые можно считать аргументами в пользу релевантности такого мнения. Во-первых, любое слово выступает организатором локального мини-пространства и обладает способностью создавать значение в свернутом виде [17, с. 153-154]. Это локальное мини-пространство в нашем представлении включает в себя не только вербальную составляющую, но и имеет выход на ментальный уровень. Во-вторых, психологи считают, что «в словах буквы опознаются лучше, чем в бессмысленных последовательностях» [18, с. 27].

Попробуем доказать это на некоторых новообразованиях. Так, в окказионализме ампутация совести (его автором является журналист А. Минкин) интегрируются два несмежных понятия: «ампутация» и «совесть». Общеизвестно, что ампутации может подлежать любая часть человеческого тела (и животного), кроме головы. Проводится она в целях спасения жизни человека. Понятие «совесть» и его вербема совесть имеют следующее

содержание: чувство моральной ответственности за свое поведение; нравственная самооценка своего поведения [19]. Приведем некоторые словосочетания, которые конкретизируют смысл этого понятия: врачевная совесть, угрызения совести, голос совести, совесть нечиста, совесть мучит кого-либо, не иметь ни стыда, ни совести, без зазрения совести, потерять совесть [19].

Как видно из дефиниции и ее конкретизации, в логическом смысле понятие «совесть» не согласуется с понятием «ампутация». Поэтому слово совесть является микроконтекстом для перекристаллизации смысла слова ампутация (происходит его semantic stretching), в результате чего оно становится применимым уже не к части тела, а к моральным чувствам человека. В данном случае к моральному чувству совести. Такое интегрированное смыслообразование нарушает логику сочетаемости понятий и слов, их обозначающих, но приводит к образованию нового концепта и нового словосочетания, его обозначающего.

В процессе концептуализации, лексикализации и семантизации авторского окказионализма само событие, произошедшее с военнослужащим Сычевым в Челябинском военном училище, тоже участвует в роли контекста. В результате девоцины этот военнослужащий был настолько жестоко избит его сослуживцами, что для спасения его жизни ему пришлось ампутировать несколько частей тела. Так что слово ампутация в своем основном значении использовано в статье А. Минкина. Но в связи с тем, что произошло в дальнейшем с совестью военачальников, которые попытались вначале скрыть, а потом минимизировать результат произошедшего злодеяния, позволило А. Минкину связать понятия «ампутация» и «совесть», интегрировать их в НКП и семантизировать окказионализм ампутация совести на базе однословного контекста «совесть» и ситуативного (экстралингвистического) макроконтекста. Подробнее см.: [20].

Другим не менее красочным примером НКП является концептуальный бленд в виде идиоматичного словосочетания двуногая саранча. Также как и бленд ампутация совести, он сформирован в определенной ситуации, осознание которой сформировало определенное содержание у данного НКП и определенный смысл у данной вербема. Заметим, что если бленд ампутация совести остался окказионализмом, то бленд двуногая саранча использован А. Минкиным в 10 статьях в течение всего 2012 года (подробнее см.: [21-30]). Эти статьи являются макроконтекстом смысла данного словосочетания, а это уже указывает на переход данного бленда в разряд неологизма. Так, только в статьях самого А. Минкина этот бленд использован 11 раз. Возможно, это объясняется большой прагматичностью бленда двуногая саранча за счет его яркой метафоричности и уничижительной коннотации его семантики. Неоднократное возвращение журналиста к данному авторскому концептуальному бленду

объясняется non-stop одной и той же ситуации, а именно – вырубке заповедных лесов в Химках (на реке Сходня).

Метафорический перенос саранчи и ее основной функции – вредить зеленым насаждениям, уничтожая их полностью (также об алчной силе, толпе, орде, которая проходит, оставляя за собой опустевшее, мертвое пространство [19]) – на человека (уничтожателя леса) позволяет говорить о нем в терминах саранчи как о таком, который, подобно саранче, с жадностью, большой массой набрасывается на что-либо [19].

Разрушительные, агрессивные, а значит, неэкологичные качества саранчи переносятся на человека – двуногого, неразумного существа – и делают лексическое обозначение «кентавра» двуногая саранча концептуальным блендом, а соответствующее ему понятие – интегрированным НКП. Его лексический бленд является высоко прагматичным за счет новизны, интенсивности его семантики, отрицательной оценочности, образности, т.е. экспрессивности. Такую номинацию получают чиновники и «лесорубы», которые совместно уничтожают заповедные леса в корыстных целях получения земельного пространства для строительства дворцов.

Еще одним аргументом в пользу возможности слова быть контекстом для НКП является утверждение Н.Н. Амосовой о том, что существует такой тип переменного контекста, как лексический. Под ним предлагается понимать контекст, содержащий такой указательный минимум (т.е. элемент речевой цепи, несущий требуемое семантическое указание), который способствует реализации значения слова посредством самой семантики составляющего этот указательный минимум слова или комплекса слов независимо от характера их синтаксической связи с семантически реализуемым словом [31, с. 34]. Подтверждением справедливости слов профессора Н.Н. Амосовой являются такие примеры, как 1) «Какой ты жадный!» (и это плохо, т.к. жадный – скупой, корыстолюбивый (о человеке) [19]); 2) Ср.: а) «Какой ты жадный до денег!» (и это плохо) и б) «Какой ты жадный до работы / жизни!» (и это хорошо, т.к. жадный – неудержимый в своих стремлениях, желаниях и т.п.; с увлечением, безудержно отдающийся какому-л. делу, занятию (о человеке); выражающий сильное желание чего-л., сильное стремление к чему-л. [19]). Данный пример показывает, что однословный контекст «деньги», «работа», «жизнь» является достаточным для смены смыслообразования в слове жадный с созидającego на опасный.

В соответствии с нашей концепцией о том, что слово и ситуация могут выступать в функции контекста, семантизирующего концептуальные / лексические бленды, референты, названные прямо или косвенно, тоже участвуют как компоненты ситуации в кристаллизации смысла окказионального словосочетания (редиска недели VS герой недели, точечная зачистка / зачистка поселка и т.п.).

Интересными с точки зрения не конкретной ситуации, не конкретного события, а общенациональной характеристики, являются такие, например, НКП, как «кромешная действительность» и «селективный аборт». Если смысл первого бленда русскому читателю может быть, хотя бы приблизительно, понятен («кромешный ад»), то второй требует семантизации через национально-культурный контекст.

Напомним, что в Китае проживает около 1,5 миллиарда человек, что нередко вызывает многочисленные проблемы в экономике страны. Чтобы ограничить размеры деторождения, еще в прошлом веке руководство страны принимало различные указы, препятствующие увеличению народонаселения Китая. Когда это оказалось неэффективным, китайские власти выдвинули лозунг «Одна семья – два ребенка». Позже этот лозунг был заменен на новый – «Одна семья – один ребенок». И чтобы конкретизировать пол будущего ребенка, была запущена новая программа, которая на уровне НКП понятия обозначает «селективный аборт». Эта программа отдает предпочтения рождению мальчиков. Так, социальная ситуация в Китае выступила контекстом для концептуальной интеграции понятий «селекция» и «аборт» и породила НКП, новый концептуальный и лексический бленд (окказионализм).

На наш взгляд, к рассматриваемой в данной работе проблеме относятся и такие НКП, как гражданинпоэт, гражданинхороший, околоремля, советскоешампанское, эхомосквы, юрийгагарин и др. В отличие от упомянутых в статье окказиональных словосочетаний, данные словосочетания представляют собой не только синтаксическое, но и орфографическое и орфоэпическое единство. Эти окказионализмы пишутся слитно строчными буквами и, в отличие от соответствующих им свободных словосочетаний (гражданин поэт, гражданин хороший, около Кремля, Советское шампанское, Эхо Москвы, Юрий Гагарин), произносятся с иной интонацией (просодией).

Актуальность описанных в данной статье проблем, несомненно, очевидна. Она определяется недостаточной изученностью окказионального словообразования как действенного средства повышения экспрессивности и эмотивности речи; компрессивных образований как проявления лингвокреативной деятельности человека в массовой коммуникации и интернет-общении, а также как выражения действия закона экономии в языке, требующего объяснения с учетом новых достижений коммуникативной, когнитивной и эмотивной лингвистики. А это на материале современных примеров, ежедневно появляющихся в СМИ, интернете и других коммуникативных сферах, вносит вклад в расширение знаний о концептуальной интеграции, исследуемой в рамках одноименной теории Ж. Фоконьи и М. Тернера (подробнее см. [32]).

Как уже отмечалось, многообразие коммуникативных эмоциональных ситуаций

приводит к тому, что в современном речевом пространстве через СМИ, интернет и другие источники регулярно порождаются компрессивные окказиональные номинации. Эти номинации способствуют восполнению коммуникативных лакун, в том числе и эмотивных, поскольку происходит отбор наиболее кратких для целей коммуникации единиц. А это приводит к увеличению информативности высказывания за счет минимизации усилий, времени, количества используемых в высказывании коммуникативных единиц и их смысловой компрессии. Это явление, несомненно, представляет собой реализацию концептуальной интеграции и закона экономии языковых средств.

Такие новообразования, не укладываясь в рамки оперативной человеческой памяти, требуют быстрой письменной фиксации для введения их в коммуникативный обиход, а также с науч-

ной целью — изучения истории становления, функционирования и обновления лексического корпуса языка. Именно поэтому лексикографическое отражение современных компрессивных окказионализмов с целью их регистрации представляется необходимым. Наиболее оптимальной формой такого отражения мог бы послужить электронный (онлайн-) словарь окказионализмов (подробнее о его структуре и предназначении см. [33, с. 164-180]).

Приведенные в данной статье теоретические размышления и фактический материал указывают на необходимость дальнейшей разработки теории концептуальной интеграции как способа языковой / речевой экономии и как средства коммуникативной компрессии. Особый интерес представляет рассмотрение этой проблемы в аспекте нового направления лингвистики эмоций — эмотивной лингвоэкологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография / В.И. Шаховским. — М.: «Гнозис», 2008. — 416 с.
2. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why It Can Matter More than IQ? / D. Goleman. — Bentam Books, 1997.
3. Литвак М.Е. Психологическая диета / М.Е. Литвак. — Ростов н/Д: Изд-во «Психологическое айкидо», 1993. — 60 с. (Сер. «Психотерапия для всех»).
4. Шаховский В.И. Модус экологичности в эмоциональной коммуникации / В.И. Шаховский // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / [науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко; редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина]. — Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. — С. 53–61.
5. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / [науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко; редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина]. — Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. — 450 с.
6. Шаховский В.И. Общероссийский научно-теоретический семинар «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» / В.И. Шаховский, Я.А. Волкова // Вопросы психолингвистики. — 2012. — № 2 (16). — С. 208–213.
7. Сущенко Е.А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / Е.А. Сущенко / [Под ред. докт. пед. и филос. наук, профессора Л.Г. Татарниковой]. — СПб.: ИД «Петрополис», 2011. — 112 с.
8. Шаховский В.И. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / В.И. Шаховский, А.А. Штеба, Е.А. Сущенко / [Под ред. докт. пед. и филос. наук, профессора Л.Г. Татарниковой]. — СПб.: ИД «Петрополис», 2011. — 424 с. (рецензия) // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. — 2013. — № 1. — С. 69–72.
9. Коробкина Н.И. Экологичность / неэкологичность контекстуального понятия как единицы эмоционального мышления / Н.И. Коробкина // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XII Междунар. науч. конф. (Ульяновск, 16—19 мая 2012 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв; Ин-т языкознания РАН; Ульян. гос. ун-т. — М. — Ульяновск, 2012. — С. 104–107.
10. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.
11. Креативный класс. - (<http://wikireality.ru/wiki/>) Креативный_класс (дата обращения 20.01.2013).
12. Креакл. - (<http://wikireality.ru/wiki/>) Креакл (дата обращения 20.01.2013).
13. Креакл обыкновенный. - (<http://pravdoiskatel77.livejournal.com/4660388.html>) (дата обращения 20.01.2013).
14. Коробкина Н.И. Оксюмороним как словообразовательная форма вербализации контекстуального понятия (на примере понятия «Злобро») / Н.И. Коробкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». — 2012. — № 2 (66). — С. 93–97.
15. Шаховский В.И. Словная идиоматика как межкультурный феномен / В.И. Шаховский // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». — 2002. — № 1. — С. 41–45.
16. Беркнер С.С. Развитие и функционирование английского языка в конце XX в. / С.С. Беркнер // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 1999. — Т. 249. — С. 20–24.
17. Борисова С.А. Пространство. Человек. Текст / С.А. Борисова. — Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2003. — 327 с.

18. Каптелинин В.Н. Слово как контекст: природа перцептивной знакомости / В.Н. Каптелинин, Б.М. Величковский // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1989. – № 2. – С. 27–34.
19. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. - (<http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>) (дата обращения 17.07.2013).
20. Минкин А. Ампутация совести / А. Минкин // Московский Комсомолец. – 27 января 2006 г. – № 2010. - (<http://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/01/27/186703-amputatsiya-sovesti.html>) (дата обращения 05.12.2012).
21. Минкин А. Двуногая саранча / А.Минкин // Московский Комсомолец. – 25 мая 2012 г. – № 25947. - (<http://www.mk.ru/politics/article/2012/05/24/707568-dvunogaya-sarancha.html>) (дата обращения 05.12.2012).
22. Минкин А. Кремлевский мечтатель / А.Минкин // Московский Комсомолец. – 4 июля 2012 г. – № 25979. - URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2012/07/03/721408-kremlyovskiy-mechtatel.html> (дата обращения 05.12.2012).
23. Минкин А. Чёртова дюжина / А. Минкин // Московский Комсомолец. – 20 июля 2012 г. – № 25993. - (<http://www.mk.ru/politics/article/2012/07/19/727514-chyortova-dyuzhina.html>) (дата обращения 05.12.2012).
24. Минкин А. Гадов – в зону / А. Минкин // Московский Комсомолец. – 13 августа 2012 г. – № 26013. - (<http://www.mk.ru/politics/article/2012/08/12/735918-gadov-v-zonu.html>) (дата обращения 05.12.2012).
25. Минкин А. Открой глаза / А. Минкин // Московский Комсомолец. – 3 сентября 2012 г. – № 26031. - (<http://www.mk.ru/politics/article/2012/09/02/743350-otkroy-glaza.html>) (дата обращения 21.09.2012).
26. Минкин А. Есть такая птичка / А.Минкин // Московский Комсомолец. – 7 сентября 2012 г. – № 26035. - (<http://www.mk.ru/politics/article/2012/09/06/745501-est-takaya-ptichka.html>) (дата обращения 21.09.2012).
27. Минкин А. Скандальные стройки в Химках остановлены! / А.Минкин // Московский Комсомолец. – 14 сентября 2012 г. – № 26041. - (<http://www.mk.ru/moscow/article/2012/09/13/748481-skandalnyie-stroyki-v-himkah-ostanovlenyi.html>) (дата обращения 05.12.2012).
28. Минкин А. Замучаются отсасывать / А.Минкин // Московский Комсомолец. – 9 ноября 2012 г. – № 26088. - (<http://www.mk.ru/daily/newspaper/article/2012/11/08/771857-zamuchayutsya-otsasyivat.html>) (дата обращения 05.12.2012).
29. Минкин А. Двуногая саранча озверела / А.Минкин // Московский Комсомолец. – 23 ноября 2012 г. – № 26100. - (<http://www.mk.ru/daily/newspaper/article/2012/11/22/777906-dvunogaya-sarancha-ozverela.html>) (дата обращения 05.12.2012).
30. Минкин А. Митинг против саранчи / А.Минкин // Московский Комсомолец. – 26 ноября 2012 г. – № 26102. - (<http://www.mk.ru/daily/newspaper/article/2012/11/25/778712-miting-protiv-saranchi.html>) (дата обращения 05.12.2012).
31. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Издательство Ленинградского университета, 1963. – 208 с.
32. Fauconnier G. Mental spaces: conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive linguistics: basic readings / [edited by Dirk Geeraerts]. – Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. – P. 303–371.
33. Коробкина Н.И. Концептуальная интеграция как способ языковой экономии: дис. ... канд. филол. наук / Коробкина Н.И. – Волгоград, 2013. – 295 с.